

ЖУРНАЛИСТ И ХУДОЖНИК

Про Петра Агеевича Малахова, героя повести Николая Фотьева «Глухой туман», сказано: «Иногда он писал и акварелью». Еще известно, что Петр Агеевич был журналистом и немного художником. Затем довольно подробно описаны две любительские работы Малахова-художника, и завершается описание так: «Вся картина... манила к себе, звала пожить в поселочке на берегу веселой быстрой речки...»

Точно такими же словами Николай Фотьев мог бы коротко и точно обозначить эмоционально-этический центр своего творчества, а заодно и раскрыть его технологический секрет. Подобно своему герою, Фотьев «немного художник», а в профессиональной основе своей — журналист: любознательный и дотошный «копатель жизни», увлеченный рассказчик о том, что увидел и пережил, чему радуется душа и о чем болит сердце, — говорит об этом прямо, не стесняясь открытой публицистичности. И удивительно, что несмотря на эту почти трибунную прямоту, от многих рассказов и повестей, составляющих книгу «Коренные берега»¹, остается доброе и доверительное чувство, грустноватое, но и притягательное впечатление. Именно «мнят к себе» образы хороших русских людей, именно «зовут пожить» поселочки и деревеньки, стареющие на крутых коренных берегах; зовут к себе и безлюдные приветливые уголки «посреди природы», где хорошо побыть одному или с товарищем, «потешить душу сплиннингом», посидеть у ночного костра... Ясно, что тут поработал Фотьев-художник, сполна овладевший умением словесного рисунка и живописи.

Заметно стремление писателя к тому, чтобы журналист и художник в его творчестве не просто сосуществовали, но плодотворно сотрудничали. И, когда такое сотрудничество удается, на страницах книги возникают картины и картинки, исполненные как бы в смешанной технике: в них есть и прозрачные, акварельно размытые краски дальнего фона, и яркие мазки ближнего плана, а в деталях — в диалогах, в портретах — отчетливый штрих пера.

Читатель у Фотьева давний и верный: знакомство состоялось давно, разговор идет ровный, по-семейному неторопливый. И темы разговора все те же: судьба че-

ловека, жизнь природы, раздумья о прошедших, текущих и будущих временах. В новой книге писателя, как и прежде, действуют легко узнаваемые нами персонажи, добросовестно и любовно списанные с натуры.

Нет сомнения в том, что проза Николая Фотьева выросла из журналистики. И наверняка среди обычных писательских атрибутов — пера, чернил, бумаги — на его рабочем столе всегда лежит еще и блокнот, в котором торопливо записаны мелькавшие впечатления, мимолетные мысли, обрывки разговоров, детали и краски интерьеров, портретов, пейзажей... Все это можно было бы и домислить, а то и вовсе придумать, «художественно вообразить», как и делает большинство сочинителей, а Фотьев к этому вроде бы даже и не стремится. Он привык сверять каждое слово с предметом изображения и на собственном опыте убедился, что таким способом вернее всего достигается точность и достоверность образов.

Зная творчество Фотьева за пределами последнего сборника рассказов и повестей, трудно заподозрить писателя в неумении или нежелании пользоваться сложными приемами художественной выразительности, такими, как иносказание или, скажем, метафора. Может быть, Фотьев умышленно «приберегает» это свое умение для других форм литературной работы? Ведь он известен еще и как автор нескольких сборников басен, ироничных и по-хорошему злых поэтических миниатюр... Зато в прозаических жанрах, вполне безболезненно обходясь без художественного вымысла, Фотьев находит вдохновение в тщательной словесной обработке накопленных впечатлений, воспоминаний, размышлений. И занятие это, судя по множеству счастливых находок, по изяществу пируэтов тренированного стиля, доставляет автору искреннее удовольствие, без которого немислимо плодотворное писательское вдохновение. И читателю, если он настроен внимательно и доброжелательно, тоже достаются маленькие радости, когда образ волнуется, слово отзывается в уме и в душе, а мысль убеждает.

Примеры тому найдутся на многих страницах сборника. В «Тимофеевом берегу», например, стержень сюжета составлен из воспоминаний о давней рыбалке с приятелями возле старого амурского селения Сухотино. Из подобного материала другими авторами сделано множество «охотничьих» и «рыбачьих» рассказов, лирических очерков о родной земле и природе. И Фотьев тоже начинает строить рассказ, следуя чисто очерковой, журналистской традиции. Сначала идет подробное описание места действия, затем к слову прихо-

¹ Н. Фотьев. Коренные берега. Повести и рассказы. Хабаровск: Кн. изд., 1982.

дится невеселая история поселка, когда шумного и многолюдного, а теперь запустелого: «В Сухотино оставалось только три крыши...» Далее следуют рыбацкие впечатления, но без обычного в таких случаях восторга, азарта: «Мы пошли дальше по речке... Где вброд пробирались, а где в обход омутков, завалов и зарослей... Изредка стали ловиться хариусы-белячки...» Заметно, что не это для автора самое важное, но о главном речь впереди...

Так и есть. Друзья рыболовы встречают местных жителей: Костю-бакенщика, временного здесь работника, и старика Тимофея, который в Сухотино родился и умереть желает нигде иначе как здесь. В первых же фразах завязавшегося разговора чувствуется резкая перемена и ритма, и смысла. Пользуясь специальной терминологией, можно объяснить это тем, что в тексте резко увеличился поток информации, а главное, изменились ее качество и содержание: теперь мы воспринимаем уже не суховатые размышления журналиста, а полновесные, зримые и осязаемые художественные образы. И тем лучше, что образы эти возникли не сразу, а как бы выросли постепенно из неторопливой «очерковой» экспозиции, благодаря чему мы уже знаем все самое главное о судьбе села Сухотино и его жителей, последний из которых — вот он — сидит у костра, вспоминает далекие годы, покряхтывает...

Незатейливый вроде бы разговор, и не такие уж удивительные вещи сообщает старик — как строили переселенцы первые дома из чозенин, каких громадных калуг вылавливали бывало, как сам он задержал нарушителя на границе, — и вся-то беседа течет бестемно и бессюжетно: «...и о бывлой охоте, и о контрабандистах-спиртоносах, ховивших через Амур почти до тридцатых годов, и о разных событиях, и об изменении климата, и о всяких здешних людях...» Никакой особенной логики или «красной нити» нет, фразы иногда обрываются почти что на полуслове. И становится ясно, что автору важна не тематика и не фабула разговора, а нечто большее. То, что начинает брезжить за словами и между ними: общая атмосфера доверительности и взаимной симпатии, объединяющая собеседников у костра. Здесь — сердце рассказа, откуда рождается его идейный и тематический пульс, потому что по тем же законам взаимного доверия и компанейства объединялись когда-то дружные жители села Сухотино, теперь уже бывшего села: вот уже не три, а одна только крыша осталась... Фотьев знает: кто участвовал в таких вот беседах у вечернего костра, тот припомнит и добрую атмосферу приятельства, и настроение теплой товарищеской доверительности, — это нужно автору, чтобы подготовить читателя к восприятию главной, итоговой мысли, того, что принято называть идейной основой произведения.

«Может, способность тосковать и привязываться к родившей тебя земле есть

самое великое изобретение природы?» Вопрос стоит в самом конце большого абзаца, состоящего почти из одних вопросов. Ответы подразумеваются, но вопросы не риторические. Потому что не так уж легко на душе у автора и у читателя. По-настоящему, что тяга к родному дому и берегу в человеке естественна и благородна, симпатичен поэтому старик Тимофей — однако в конце рассказа мы узнаем, что и Тимофея уже нет, а вместе с ним исчезла с лица земли и последняя крыша, обозначавшая селение Сухотино: «За бывшие здешние подворья уже дрались между собою разные хваткие травы...»

Дочитав рассказ до последней точки, видишь сразу всю логику авторского замысла — своеобразную кольцевую композицию, увязанную, однако, не фабульным узлом, а способом чисто эмоциональным: от зачина к финалу тянется луч светлой грусти. В середине сюжета этот луч немного волнуется, как от ветра вода: грусть уступает место мягкому юмору и деловой мужиковской беседе, — и опять вытягивается в струну печального, минорного тона... Автору удается не нарушить, не расплескать эту грусть неосторожным, не к месту сказанным словом. «В избе было пусто, гулко и темно. Пахло подпольем и холодным печным нутром. Подгудывали мухи и комары». В общем эмоциональном контексте это вполне гармоничные, почти на слух и обоняние принимаемые образы: гудение мух в пустой избе, запах остывшего печного пепла... А вот пример не менее гармоничного, но уже зрительного образа. Речь идет о том, что старик Тимофей почти совсем слепой: «Малоподвижные глаза его, казалось, сплошь были наполнены белесым дымом...»

Рассказ «Тимофеев берег» потому заслуживает столь подробного комментария, что в нем, пожалуй, наиболее удачно «сотрудничают» журналист и художник — два главных начала фотьевской прозы. В других рассказах, большинство из которых также в той или иной мере посвящено теме родного берега, материнского и отцовского дома, автору не всегда удается достичь столь же гармоничного единства двух начал. Рассказы «Тихий день прощания», «Последняя охота», «Вечерняя песня», «Многие страныцы повести «Горная малина» автор как бы отдает на откуп своему «художнику», и тот, не обремененный необходимостью оглядки на своего сотрудника — журналиста, с удовольствием использует возможность показать все свое мастерство.

Надо отдать должное Н. Фотьеву: в тайге, на лугах, у реки он человек нечужой — все ему здесь понятно и близко, знакомо и дорого... Вспоминается прочитанная лет восемь назад его книжка о странствиях по приамурским рекам и речкам, где удачливому рыболову достается много радостных и памятных впечатлений. Книжка так и называлась «Реки радости»... В другой книге, обращаясь к своим читателям, Николай Фотьев сказал, что он будет вполне удовлетворен, если его рассказы «прибавят в чьей-то душе

хоть капельку доброты и нежности по отношению к земле и природе».

Любовь к природе, ощущение слитности с ней, уважительное и покровительственное отношение к живому населенному зеленому миру — все это входит важной частью в самосознание патриота и гражданина, но ценно и само по себе, как истинно человеческая способность к сочувствию и состраданию, к пониманию добра и неприятию зла. Фотьев доказывает, что для выражения этих настроений и чувств ему бывает достаточно использовать свое умение точной словесной образительности — и увлеченно отдается этому делу, отложив пока в сторону перо журналиста. Но если таким, чисто художническим способом автор сравнительно легко добывается желанного результата (большинство читателей умеет чувствовать и воспринимать красоту в чистом виде), то в других случаях, когда Фотьев, забыв про кисть и палитру, увлекается ремеслом журналиста, итог бывает весьма далеким от художественной гармонии: в такие моменты текст явно выпадает из повести или рассказа и представляется собой как бы вставку, этакое публицистическое отступление. Примеров подобного рода в книге найдется немало.

Вот сидит на склоне дамбы Василий Федотыч Просьянников, герой рассказа «Коренные берега», и смотрит а половодную, вспененную, бурлящую Зею. «Ишь ты, матушка, вышла из берегов!» По реке плывут бревна, никому до них нет дела, и Василию Федотычу такая бесхозяйственность не по душе. Посещают его и другие аналогичные мысли: о хлебе, который не берегут, кусками выбрасывают; о домашней скотине, которую разучились держать и выкармливать; и вообще народ нынче разобщен, каждый в своей квартире с удобствами, как крот в норе. А собрались бы все дружно, включились бы в общее, горячее, веселое дело — хотя бы вот в такую страду, на спасение этих самых бревен, что плывут по реке «мимо рта»...

Вокруг Просьянникова суетятся, гомонят ребятишки, и он умело организует их в тимуровскую бригаду: наловили плавника бабке Андросихе на дрова. Сам по себе фрагмент выписан живо, диалоги и портреты детей вполне достоверны, вдохновение общей полезной работы пронизывает весь эпизод. Но тем более режут глаза и слух «философские», или «газетно-актуальные», сентенции, оформленные автором в виде мыслей, возникающих в голове у героя. «Лучше, если бы ребятики... больше доверяли взрослым и без всяких лишних «зачем» бежали бы исполнять поручения. Ведь никто их не учит дурному». Или: «Кто они? Кого держим на плечах своих и на ладонях, кого стараемся поднять выше себя? И поднимаем ли? Не буксуем ли под горкой в грязи какой-нибудь?»

Потом к Просьянникову подойдет на «Запорожье» коллега и сосед Алексей Иванович Шапов. И снова живой рассказ сбивается на газетный очерк: автору хочется и кратко биографию нового пер-

сонажа дать (происхождение, образование, трудовой путь), и вложить в его уста полезную информацию («Наш регион, понимаешь, больше шести миллионов квадратных километров! И населения в нем — тоже шесть миллионов душ...»), а главное, использовать Шапова как оппонента в споре с Просьянниковым. Спор оживляется, углубляется, расширяется, и выходит этаким импровизированный диспут на актуальные темы: о хозяйском отношении к народному добру, о качестве работы, о плюсах и минусах научно-технического прогресса, об отношениях отцов и детей...

Можно написать статью на злобу дня, высказаться без затей, простыми словами, и в случае удачи это будет публицистика. А можно ту же самую злобу дня «вложить в уста» реальных или вымышленных персонажей, и многие думают, что в этом случае получится художественная литература... Такой нехитрый способ литературного освоения актуальной тематики очень точно обозначен критикой как беллетризованная публицистика, и уже сам термин содержит в себе значительную долю иронии по отношению к художественным достоинствам подобной литературы. Отдавая должное профессиональному спорку, которую демонстрирует Николай Фотьев в рассказе «Коренные берега», не следует, думается, видеть в этой спорке верх его мастерства. Тем более что в книге есть два других рассказа, свидетельствующих о том, что Фотьев способен на большее.

Эти рассказы — «Товар лицом» и «Умирал ямщик» — заверстаны в сборнике наравне с другими, и хотя никак не выделены, тем не менее смотрятся особняком — по качеству художественного исполнения, по уровню авторского мастерства. Может быть, и самому автору эти рассказы наиболее дороги: в них не только успешно решена литературная сверхзадача (образы полны жизненной правды, в характерах есть высокое, «шукшинское» напряжение), но заметно и то вдохновенное наслаждение, которое волило пером автора, когда он наполнял свои образы плотью и кровью.

Пересказывать содержание этих рассказов не стоит: дело не в содержании. И эпизоды взяты автором не самые обычные, и его герои тоже, как говорится, не мы с вами, а явно из компании шукшинских «чудиков», — но главное не в этом. А в том, что сюжеты наполнены той самой «живой жизнью», благодаря которой литературу относят к роду высоких искусств.

И тот факт, что Николаю Фотьеву удается покорить такие вершины, внушает надежду в его далеко не расстроенные творческие силы. Довольно успешно освоив амплуа «журналиста и немного художника», Фотьев, как видим, вовсе не собирается эксплуатировать найденное мастерство и печь рассказы, как блины. Нет, он старается «прыгнуть выше», «встать на цыпочки», ищет новые способы для своего профессионального совершенствования. Значит, творческий путь его остается

открытым. Надо думать, писатель еще не раз покажет нам свои новые удачные находки. И верится, что читатель не оставит его.

И. ЛИТВИНЕНКО.

